

УДК 24 (571/54)

doi: 10.18101/978-5-9793-0054-2-2017-215-219

РЕЛИГИОЗНОСТЬ БУДДИСТОВ-МИРЯН В СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТИИ

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 17-06-00340 А «Разработка математических моделей виртуальных буддийских сообществ в социальных сетях»

© **Бадмацыренов Тимур Баторович**

кандидат социологических наук, доцент, Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: batorovitch@mail.ru

Цель статьи состоит в выявлении особенностей социологической операционализации религиозности буддистов. В социологических исследованиях религии выработано представление о квантифицируемости поведения и представлений верующих, отражающих степень вовлеченности индивидов и групп в религиозные сообщества. В ряде случаев транслируется аскриптивно-номиналистский подход, предписывающий религиозность по этнокультурным и территориальным основаниям. Исследования религиозной ситуации в Бурятии часто включают описание религиозности верующих. Вместе с тем в эмпирических исследованиях существует проблема операционализации характеристик буддийской культуры, буддийского поведения и буддийских сообществ. Это связано со сложностью адаптации широко применяемых социологических исследовательских переменных ввиду многообразия реальных форм и практик буддистов.

Ключевые слова: буддизм; религиозность; социология; Бурятия; миряне; религиозная деятельность.

В научных и популярных изданиях, нормативных правовых и программных документах, аналитических и обзорных материалах встречается статистика религиозности как отражение стремления оцифровать, пересчитать верующих. Исходя из такого стремления, во многих публикациях транслируется цифра в 1,5 миллиона российских буддистов, полученная путем механической суммы этнических бурят, калмыков и тувинцев, иногда алтайцев и «новых буддистов». Данные, полученные при таком подсчете, свидетельствуют скорее о масштабах претензий религиозных деятелей, политиков и национальных лидеров [10, с. 35]. Такой подход не может не быть признан безосновательным и аскриптивным, поскольку, во-первых, этнические общности не совпадают с конфессиональными, а во-вторых, что более значимо в рамках данного исследования, определение содержания, уровней и степени буддийской религиозности представляет собой довольно сложную социологическую проблему.

Изучение религиозности является одним из наиболее распространенных направлений социологического изучения религии и «при всех различиях в подходах и интерпретациях существует теоретический консенсус-предположение о наличии четкого критерия религиозной вовлеченности личности, что предполагает квантификацию религиозности» [7, с. 119]. В иссле-

довании религиозного вовлечения верующих сложно выработать адекватное описание всем многообразным формам религиозной активности, поэтому более продуктивно исходить из требований, предъявляемых к верующим на институциональном уровне конкретных конфессий.

Буддизм часто представляется религией, лишенной формализации членства в общине и, соответственно, религиозного участия. Буддийская религиозность в таком видении либо лишается своего религиозного институционального наполнения и понимается как «духовность», либо описывается как волюнтаристское действие, основанное на свободном выборе членства, не скованном формальными или организационными рамками. Вместе с тем это далеко не так, и, хотя возможно существование сообществ, не конструирующих четких границ, особенно в интернет-пространстве, для большинства буддийских сообществ вопрос интеграции своих последователей выступает одним из наиболее принципиальных и формирование единого нормативного понимания религиозной практики является ключевым инструментом такой интеграции. При изучении современной Бурятии эта проблема несколько усложняется неокончательным закреплением нормы религиозности, но возможно, что такое закрепление представляет собой процесс постоянного нормотворчества и кодификация нормы лишь один из способов построения нормативного порядка.

В разные годы социологами Бурятии предпринимались исследования религиозности населения. В исследовании обыденного уровня религиозного сознания и связи религиозности с конкретным социальным поведением личности исследовательской группой под руководством Ц. Б. Будаевой была использована типология «верующие — колеблющиеся — неверующие» для измерения двух признаков религиозности: «религиозной веры» и «участия в религиозной деятельности» [9, с. 27]. Религиозная вера выявлялась через самоидентификацию, а участие в религиозной деятельности — через частоту посещения храмов, общение с единомышленниками, участие в благотворительных акциях.

Г. Е. Манзанов использовал типологию, также основанную на самопричислении: «верующий и соблюдаю религиозные обряды; верующий, но не соблюдаю религиозные обряды; колеблюсь; все равно; неверующий, но уважаю чувства тех, кто верует; я думаю, что с религией надо бороться; затрудняюсь». Он пришел к выводу, что в настоящее время наблюдается воспроизводство комплекса буддийских представлений среди бурятского населения. Эти явления имеют место в процессе актуализации буддийского воспитания, полученного в детстве, когда привычки религиозного поведения переходят в более регулярное соблюдение обрядов, что, в свою очередь, содействует эмоциональной настройке для становления религиозных представлений [8, с. 134].

И. Ц. Доржиева в качестве критериев степени религиозности рассматривала два признака — содержание и уровень религиозного сознания индивидов (их религиозные представления и эмоции) и их религиозное поведение (соблюдение обрядов, участие в деятельности религиозных организаций, пропаганда религиозных взглядов) [5, с. 99].

С. Б. Филатов и Р. Н. Лункин различают «этнический принцип» в изучении религиозности и «культурную религиозность», основанную на религиозной самоидентификации [10, с. 35]. Самопричисление индивида к религиоз-

ным общностям, как считают эти авторы, имеет большое значение для мировоззрения, культурной, нравственной и политической ориентации, хотя он может не разделять его вероучения, не участвовать в обрядах и не входить в религиозную общину. Собственно уровень религиозности — это численность практикующих верующих, т. е. тех, кто разделяет определенное вероучение, соблюдает предписываемые религиозные практики [10, с. 40].

Многие исследователи современных религиозных процессов отмечают значительное повышение уровня религиозности населения Российской Федерации. Особенно значительный рост религиозности отмечался в первой половине 90-х гг. XX в. Например, как отмечают Л. М. Воронцова, С. Б. Филатов, Д. Е. Фурман, «все больше людей заявляют о том, что религия играет в их жизни важную роль», и в то же время они указывают на то, что этот рост шел до 1992 г. (от 28% в 1990 г. до 41% в 1992 г.) [3, с. 83]. В целом по России верующих женщин больше, чем мужчин, и есть два возрастных «пика» религиозности: верят молодые и пожилые, в крупных городах движение сильнее, чем на периферии, атеисты значительно образованней среднего россиянина, традиционные верующие значительно менее образованы.

Существенной проблемой при исследовании динамики религиозности является определение конфессиональной принадлежности верующих. А. Кырлежев в 1995 г. писал, что «при сохранении в России общей ориентации на христианство растет число внеконфессиональных «христиан вообще». Эти люди достаточно произвольно из разнородных элементов конструируют в своем сознании свое собственное «христианство». Элементы эти они черпают из различных, чаще всего внецерковных, источников: художественной литературы, СМИ, религиозно-философских произведений, высказываний авторитетных в обществе «интеллектуалов» и т. д.» [6, с. 172]. В целом же автор характеризует новую религиозную ситуацию разрывом между индивидуальной религиозностью и религиозной традицией, т. е. между институциональной и внеинституциональной, диффузной религиозностью.

Принято считать, что в Бурятии буддийское сообщество представлено прежде всего этнической общностью бурят, а принадлежность к буддизму явилась одним из уровней этнической идентичности бурят. По данным комиссии Куломзина, в 1897 г. более 80% бурят исповедовали буддизм [11, с. 129]. Проводившиеся в Бурятии социологические исследования показывали, что даже в 70-х гг. XX в. «все, что связано с ламаистской религией, воспринималось на уровне массового сознания уже как “национальная культура” бурят» [4, с. 45]. Социологические исследования, проведенные группой научного атеизма БИОН СО РАН в 1982–1987 гг. в Республике Бурятия, показывали наличие 3–4% глубоко верующих, 5–6% верующих, не соблюдающих религиозные обряды. Г. Е. Манзанов приводит данные, согласно которым буддизм является доминирующей религией среди бурят [8, с. 134]. По результатам исследований под руководством Ц. Б. Будаевой в 2011 г. две трети респондентов-верующих — православные, около трети — буддисты, из них 87% респондентов, назвавших себя буддистами, были буряты (в 2009 г. среди респондентов-буддистов 95,5% составили буряты) [9, с. 44]. Несмотря на активную атеистическую пропаганду в годы советской власти, доля верующих среди бурят высока. Так, по данным социологического исследования И. Ц. Доржиевой, верующими назвали себя 52,7% городских и 59,4% сельских бурят, «в

какой-то степени» верят 43,6 и 38,5% соответственно и только 3,7% горожан и 2,1% сельчан не относят себя к верующим. Менее религиозны коренные горожане: 44% — верующие, 45% — колеблющиеся и 11% — неверующие [5, с. 99].

Различные исследования показывают, что религиозные установки большинства верующих формируются в детские годы и лишь у незначительной части населения религиозные взгляды и поведение формируются в юношеском и зрелом возрасте. Однако в современных условиях в отличие от советского периода на религиозность населения оказывает воздействие ряд факторов, среди которых первостепенное значение имеет отказ государства от ограничения деятельности религиозных организаций, что выразилось в провозглашении конституционного принципа свободы совести и религиозных убеждений и принятия нового законодательства в сфере взаимодействия государства и религии. Среди других факторов авторы указывают возрастание тяги к утраченным ценностям, ухудшение социально-экономической обстановки, расширение общественной деятельности религиозных организаций при содействии со стороны государственных структур [2, с. 71]. Также значимым фактором выступает увеличение числа религиозных объединений и связанных с ними общественно-политических организаций и групп [1, с. 104].

Для социологического опроса, выявляющего особенности массовой буддийской религиозности, некоторым затруднением может стать стремление респондентов, монголов и бурят, обозначить свою буддийскую идентичность как нормативный этнический стандарт, что требует приложения дополнительных методических и технических усилий для контроля и выявления такого смещения мнения респондентов. Вместе с тем данное нормативное этническое видение религиозности может быть источником понимания функций буддийских сообществ в этнокультурном контексте общества.

Литература

1. Бадмацыренов Т. Б. Религиозная ситуация и религиозные сообщества в Республике Бурятия // *Власть*. 2015. № 4. С. 103–107.
2. Буркина А. А., Осинский И. И. Бурятская национальная интеллигенция: воспроизводство, структура, самочувствие. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. С. 156.
3. Воронцова Л. М., Филатов С. Б., Фурман Д. Е. Религия в современном массовом сознании // *Социс*. 1995. № 11. С. 81–91.
4. Герасимова К. М. Об исторических формах национальной культуры бурят // *Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия: тр. Бурят. ин-та общественных наук СО РАН. Сер. Философия, социология, история*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. Вып. 2. С. 38–51.
5. Доржиева И. Ц. Этнокультурные процессы в среде городских бурят (по материалам социологического исследования) // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2009. Вып. 7. С. 98–102.
6. Кырлежев А. «Безрелигиозное христианство» в «совершеннолетнем мире»? // *Знамя*. 1995. № 10. С. 172.
7. Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Тесный путь не туда? // *Социологические исследования*. 2013. № 1. С. 118–126.

8. Манзанов Г. Е. Динамика религиозности в этнической Бурятии в конце XX — начале XXI в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 7. С. 134.

9. Межнациональные, религиозные, этнопсихологические реалии Бурятии и вопросы гражданской активности населения / отв. ред. Ц. Б. Будаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С. 44.

10. Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005 № 6. С. 40.

11. Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. С. 129.

BUDDHIST LAITY RELIGIOUSITY IN CONTEMPORARY BURYATIA

Timur B. Badmatsyrenov

Buryat State University,
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The aim of the article is to identify the peculiarities of the sociological operationalization of the religiosity of Buddhist believers. The study of religiosity is one of the key themes in the sociology of religion. In sociological studies of religion, a conception of the quantifiability of the behavior and beliefs of believers is developed, reflecting the degree of involvement of individuals and groups in religious communities. In a number of cases, an ascriptive and nominal approach is a research basis, prescribing religiosity based on ethno-cultural and territorial grounds. Studies of the religious situation in Buryatia also include a description of the religiosity of believers. At the same time, in empirical studies there is a problem of operationalization of the characteristics of Buddhist culture, Buddhist behavior and Buddhist communities. This is due to the complexity of adapting the widely used sociological research variables in view of the variety of real forms and practices of Buddhist believers.

Keywords: Buddhism, religiosity, sociology, Buryatia, laity, religious activity.